

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ*

Аннотация: Настоящая статья раскрывает особенности применения генеалогической терминологии в эмигрантской мемуаристике.

Материалами для написания статьи послужили мемуары созданные русскими эмигрантами за рубежом в период первой половины XX века.

Главный исследовательский вывод настоящей статьи заключается в том, что порядок применения генеалогической терминологии русскими эмигрантами-мемуаристами носил сугубо индивидуальный характер, а объем (сложность терминологии) использования определялся в основном профессиональными особенностями автора.

Ключевые слова: родство, генеалогия, мемуары, генеалогическая связь, родственная связь, генеалогическая терминология.

При изучении генеалогического субстрата в мемуарных источниках следует учитывать терминологические особенности родословного знания.

Термин «родство» в генеалогии имеет два значения: различают родство в широком и узком смыслах. Под родством в узком значении понимаются отношения, возникающие через факт рождения, связь «по крови», простейшей их формой является связь «родитель – ребенок» [16, 14].

Термин «родство» в широком значении включает в себя родство в узком смысле слова и свойство.

Под свойством понимают отношения, возникающие вследствие брака, т.е. юридические. Простейшей их формой является связь «муж – жена». Между двумя родами благодаря браку возникают свойственные взаимоотношения, которые играют в жизни общества и в исторической действительности заметную роль [16, 14].

Родственные и свойственные отношения породили специфическую, отражающую их терминологию. Для каждого мемуариста характерен индивидуальный подбор терминов и понятий родства, а также способ описания генеалогических связей. В воспоминаниях одних эмигрантов генеалогическая терминология скудна и примитивна, в мемуарах других можно встретить довольно сложные профессиональные термины.

Практически во всех текстах имеется минимально необходимая для описания генеалогических связей совокупность понятий (отец, мать, дед, бабушка, сын, дочь, брат, сестра), а наличие иных терминов было обусловлено индивидуальными особенностями авторов.

Некоторые мемуаристы предпочитали описательный способ передачи родства. Например, употребляли выражение «отец деда» вместо «прадед», «брат матери» вместо «дядя», «сестра отца» вместо «тетя», [5, 47] «сын дяди» вместо «двоюродный брат», «муж дочери» вместо «зять», «брат бабушки» вместо «двоюродный дед» [8, 37] и т.п. Подобную ситуацию можно объяснить или стремлением автора максимально упростить описание родства, сделать его наиболее ясным для читателя, или ввести дополнительную информацию о генеалогических связях, чтобы четко обозначить генеалогическое старшинство в семье или линию родства. В последнем случае использование, например, выражения «брат отца» вместо слова «дядя» преследовало цель

* © Алексеев Д.А.

указать на точные отношения с данным человеком, отделить его от возможного родственника с другой стороны («брата матери»). Иногда мемуаристы употребляли синонимичные понятия одновременно («семья сестры матери, тети Кати», «старший брат отца, дядя Костя»), [23, 29; 61] что также было призвано повысить точность передачи генеалогической информации.

Более сложная терминология родства присутствовала в мемуарах лиц, каким-либо образом связанных с генеалогическим знанием или принадлежавших к семьям с хорошо развитой семейной культурой. В частности, в воспоминаниях жены известного генеалога Н.А. Савеловой (1859 – 1934) использовались редкие понятия «двоюродный брат», «зять», «двоюродная племянница». [24, 5; 6; 14] Обширная родственная терминология характерна также для воспоминаний А.Н. Наумова, который происходил из древнего поместного дворянства. Он употреблял не только термины «двоюродный брат», «троюродный брат», но и их синонимы «кузен», под которым подразумевался двоюродный брат, и «троюродный кузен», аналогичный понятию «троюродный брат» [17, 2; 6; 19; 36; 51; 58]. Использование этих терминов могло заменяться указанием на «троюродное родство» между двумя лицами [21, 440]. Следует подчеркнуть, что понятием «троюродный брат» пользовался также родственник мемуариста М.П. Наумов, что может свидетельствовать о наличии определенной семейной традиции родственного наименования [18, 3].

Любопытный случай использования термина «кузен» зафиксирован в мемуарах дипломата, русского посланника в Сербии Б.А. Татищева (1877 – 1949). Он писал, что его прабабка М.С. Ржевская из-за многочисленной родни в московском обществе носила прозвище «всемирная кузина» [25, 206].

Вследствие многочисленных браков, между дворянскими семьями могли образовываться сложные родственные связи, которые приводили к запутанным терминологическим ситуациям, в которых могли учитываться возрастные соотношения между конкретными лицами. Подобную ситуацию описывает Н.А. Савелова, в семье Егоровых одни и те же люди находились в одинаковой степени родства с ней и ее матерью. Это отразилось на внутрисемейном именовании: – «Старшие из двоюродных называли мою мать кузиной, а младшие – теткой, меня же все называли кузиной; старшая моя «кузина» была старше моей матери на семь лет» [24, 6].

В семейной культуре рубежа XIX – XX в. не были употребительными термины «двоюродная бабка» и «двоюродный дед», обозначающие в современной генеалогии сестру бабки или деда или брата этих лиц соответственно. Его не использовал ни один из известных нам мемуаристов-эмигрантов. А.Н. Наумов называл сестер своего деда просто «бабушками» [17, 2]. Прибегал к описательному способу передачи подобной генеалогической связи («брат деда», «сестра бабушки») директор императорских театров, князь С.М. Волконский (1860 – 1937), текст которого насыщен разнообразной терминологией [7, 397]. Не менее редким в мемуаристике был термин «свояченица» (сестра жены) [7, 198].

В мемуарах эмигрантов присутствовал распространенный в дворянской среде XVIII – XIX вв. билингвизм, т.е. общение одновременно на русском и ином, чаще всего на французском, языке, в том числе и в сфере именовании родственников. Н.А. Савелова упоминает о том, что в семье ее тетки Л. Баштевич называли «тант Бланш» (тетя Блондинка) [24, 9]. Л.М. Савелов не только писал об аналогичных случаях семейного именовании, но и сам в тексте воспоминаний для выражения родства употреблял слова на французском языке, в частности, он три раза использовал термин «belle-mère» (теща), ни разу не назвав данное лицо по-русски. Аналогичным образом поступил А.Н. Наумов, который называл вдову своего брата Д.Н. Наумова «belle-fille» – сноха

[17, 22]. Описывая состав своей семьи, граф Ю.А. Олсуфьев графа А.В. Олсуфьева называет «мой grand oncle» (двоюродный дедушка), а графиню А.М. Олсуфьеву «моя grande tante» (двоюродная бабушка), не находя, видимо, адекватного перевода на русский язык этим терминам [20, 237].

В некоторых мемуарах одно и то же понятие родства могло использоваться в различных значениях. В воспоминаниях князя С.Е. Трубецкого слово «прадед» употреблялось для обозначения действительно, таким образом, доведшимся автору князя П.И. Трубецкого [28, 130] и для наименования так всех давно живших представителей рода. В последнем случае по смыслу оно сближалось с понятием «предки», которое было довольно распространено в эмигрантской мемуаристике [4, 10]. Столь же условно было употребление отцом известного генерала, финансистом и промышленником бароном Н.Е. Врангелем (1847 – 1923) понятия «бабка», которое фактически означало более отдаленную, четвертую степень родства (прабабка) [8, 20].

Столь же неопределенное значение могло иметь слово «пращур». Оно означало совокупность родственников различных степеней родства с мемуаристом («пращур с материнской стороны») [23, 39] или служило синонимом понятия «прадед». Именно в последнем значении его употребил писатель В.В. Набоков (1899 – 1977) – «кузина моего прапращур», – что следует понимать как «кузина прапрапрадеда» [15, 173]. Некоторые мемуаристы стремились к более точному обозначению восходящей генеалогической связи и указывали истинное количество поколений между собой и своим предком. М.П. Наумов, в частности, использовал термин «прапрадед», конкретно указывавший на его связь с изображенным на портрете лицом [18, 3]. При описании незаконного происхождения деда, Р.Б. Гуль использовал термин «внебрачный прадед» [9, 31].

Отдаленное в вертикальном отношении родство (больше, чем в пятом поколении от мемуариста) описывалось ступенчато, через упоминание лица, у которого, с одной стороны, обозначались родственные связи с автором, а с другой – его же отношения с конкретным предком. Так, дочь П.А. Столыпина М.П. Бок (1886 – 1985), стремясь подчеркнуть свое родство с А.В. Суворовым, сделала таким лицом свою бабушку по материнской линии М.А. Нейдгарт, [5, 100] которая доводилась правнучкой генералиссимусу. Так было обозначено родство мемуаристки и полководца в шестом поколении, и она избежала термина прапрапрадед.

Авторы воспоминаний были сосредоточены преимущественно на описании восходящего родства, поэтому редко использовали термины, характерные для категорий нисходящих генеалогических связей. К ним мы причисляем слова, отражавшие происхождение и структуру рода, а также термины с соответствующей точкой отсчета родственной связи (в нисходящем отношении, от предков к потомкам).

Профессиональное историческое образование известного деятеля кадетской партии П.Н. Милюкова (1859 – 1943) проявилось в генеалогической терминологии его воспоминаний. Он употреблял редко встречавшееся в эмигрантской мемуаристике понятие «родоначальник». Так в генеалогии называют условное лицо, от которого начинается счет поколений в роде [16, 13]. Однако термин «ветвь рода» он заменял словами «линия» или «отрасль», [14, 49-52] искажавшими смысл написанного. Понятие «отрасль» не имеет устойчивого значения, а слово «линия» в современной генеалогии употребляется для обозначения родства со стороны одного из родителей человека, от отца или матери. В эмигрантской мемуаристике понятие «линия родства» зафиксировано нами как выражение непосредственных генеалогических связей, в сочетании со словом «прямая» [25, 205].

Исследовательский, генеалогический подход в посвященных московскому ку-

печеству мемуарах юриста и предпринимателя П.А. Бурьшкина (1887 – 1953) обусловил частое использование термина «родоначальник», а понятие «ветви» он положил в основу изложения истории описанных семей. Обозначались эти ветви либо по имени родоначальника, либо по месту владения предприятиями. Так, в роде Морозовых мемуарист выделял ветви «викульчей», происходившую от Викулы Морозова, «Абрамовичей» (или «тверскую») – от Абрама Морозова, который владел Тверской мануфактурой, и т.д. [6, 129;131] Также П.А. Бурьшкин пользовался не получившим распространения в мемуаристике термином «поколение», который, кроме него употребляли некоторые авторы из аристократической среды [6, 125; 7, 387; 27, 122].

Крайне редкими в мемуаристике были указания на связь родоначальника с его потоками. В частности, только у В.В. Набокова нам удалось обнаружить и зафиксировать понятие «праправнук» [15, 173].

Еще одной группой генеалогических терминов являлись понятия, отражавшие свойство. Мемуаристы довольно последовательно различали родственников и свойственников. При описании свойственных связей общепринятая лексическая традиция отсутствовала. Некоторые мемуаристы употребляли для обозначения девичьих фамилий своих родственниц и жен знакомых термин «рожденная», [13, 25; 30, 29; 27, 118] некоторые «урожденная» [10, 66; 6, 148]. Причем первый термин был гораздо более распространен, [7, 397; 25, 207-217] чем второй, хотя один из основателей научной генеалогии в России Л.М. Савелов последовательно употреблял в мемуарах¹ именно последний вариант обозначения родственной связи. Встречались тексты, в которых авторы употребляли эти слова одновременно [4, 10-15; 23, 22-23].

В мемуарах редко употреблялись термины «единоутробный» или «единокровный», призванные разделить детей от различных браков [29, 232]. Обычно такая генеалогическая ситуация описывалась указанием на то, от какого конкретно брака был рожден данный ребенок.

Между текстами, написанными представителями дворянских и купеческих родов, не было различий в составе генеалогической лексики. Происходившая из купеческой среды В.П. Зилоти, например, использовала широкий набор терминов («кузен», «двоюродный племянник», «двоюродная сестра матери» и др.), который редко встречается в дворянской мемуаристике [10, 43; 72, 81].

Многие мемуаристы-эмигранты игнорировали генеалогические термины сверх минимально необходимой совокупности. Это приводило к тому, что описания родственных отношений в некоторых текстах требуют существенных усилий при их интерпретации, приводят к излишней усложненности подобных словесных описаний. Так, А.Н. Наумов писал о том, что его родной дед по матери князь Н.В. Ухтомский был женат на Елизавете Алексеевне Наумовой, «дочери Алексея Михайловича Наумова, родного брата прадеда моего Михаила Михайловича» [17, 18]. Эту же информацию можно было бы выразить короче и яснее, указав, что дед мемуариста по женской линии состоял с троюродной бабкой его же по мужской линии.

В эмигрантской мемуаристике отразилась неустойчивость генеалогической терминологии в России на рубеже XIX – XX вв. Многие авторы не вполне различали понятия родства, не знали точных терминологических обозначений конкретных генеалогических ситуаций.

Обращенность текста воспоминаний к потомкам и родственникам недвусмысленно декларировалась мемуаристами в заголовках своих сочинений. Этот прием использовался и в мемуаристике XVIII – XIX вв. [26, 80-81] и причины этого точно охарактеризовал А.Г. Тартаковский, который писал: «Адресуя детям и внукам свои записки, мемуаристы XVIII в. преследовали и некие воспитательно-прикладные цели,

стараясь извлечь из опыта собственной биографии, из перипетий своей душевной жизни определенные уроки, могущие послужить продолжателям рода своеобразным кодексом нравственных норм и правил житейского поведения» [26, 82]. Историк видел в этом распространенные в обществе дидактические принципы классицизма и просветительской этики, для которых характерна проповедь высокого гражданско-нравственного назначения любого литературного произведения.

Эта же тенденция присутствовала и в эмигрантской мемуаристике. В названиях многих воспоминаний прослеживалась обращенность к генеалогической тематике в широком смысле этого слова. Большое влияние оказала на наименование мемуаров книга С.Т. Аксакова «Семейная хроника». Это название было популярным не только в эмигрантской мемуаристике, но и в текстах, создававшихся в СССР. Именно так назвала свои воспоминания известная мемуаристка, дочь камергера и историка А.А. Сиверса Т.А. Аксакова-Сиверс (1892 – 1982) [1, 3]. Однако если в данном случае факт заимствования можно было рассматривать как указание на некую семейную связь автора и писателя, то в случае иного авторства речь может идти именно о смысловой связи, о литературной тенденции, о стремлении подчеркнуть специфику изложения. Нами выявлено несколько заголовков «семейная хроника» среди мемуаров эмигрантов (дипломата Б.А. Татищева, генерала от кавалерии, начальника штаба Русской армии П.Н. Шатилова, полковника, ученого-металлурга Н.Т. Беляева и других) [25, 205-233; 30, 29-32; 3, 76-81].

В некоторых случаях авторы стремились приблизить распространенный вариант заголовка к определенной ситуации, придать ему некую информационную направленность, что обусловило включение в него конкретизирующих элементов (указаний на фамилии или посвящения). Так поступили О.И. Пантюхов, великий князь Гавриил Константинович и некоторые другие [22, 5; 11, 21-28]. В подзаголовке воспоминаний Г.Н. Одинцова традиционный заголовок был объединен с конкретной адресацией: «Семейная хроника, посвященная автором племяннику Николаю Борисовичу Одинцову» [19, 28]. В воспоминаниях княгини Н.П. Грузинской это же название было интегрировано с обозначением происхождения описываемого рода - «Из далекого прошлого (Семейная хроника одной ветви потоков царей Грузии)»².

Прямо апеллировали к генеалогической терминологии заголовки, включавшие соответствующие понятия. Г.Н. Одинцов назвал свой мемуарный очерк «Николай Александрович Одинцов, его предки и семья» [19, 28], а В.Н. Смольянинов фактически совместил заголовок с посвящением – «Моим детям»³.

Включение генеалогических понятий в название мемуаров не всегда означало наличие родословного субстрата в тексте. Например, в воспоминаниях А.А. Жуковского обыгрывалась известная цитата из произведения А.С. Пушкина – «Да ведают потомки во всей правде земли родной минувшую судьбу»⁴. Однако сам текст был посвящен исключительно описанию военных действий на Кавказском фронте во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В данном случае обращенность к генеалогическим категориям имела только нравственное значение.

Небезынтересны также названия глав, посвященных генеалогической тематике. Н.С. Арсеньев заранее обозначил тематические границы соответствующей главы, назвав ее «Моя семья» [2, 30]. Аналогично поступил П.Н. Милюков, который наименовал соответствующий раздел как «Семья и родные» [14, 48], но причины этого были иные, чем у Н.С. Арсеньева. В отличие от него, П.Н. Милюков не знал свой род далее деда (не помнил даже отчества бабки), то есть имевшаяся в его распоряжении информация действительно не превышала понятия «семьи», в которой должно насчитываться не более трех поколений. Название главы («Семейные предания») [12,

9] в воспоминаниях известной балерины М.Ф. Кшесинской (1872 – 1971) отразило не выраженные в тексте прямо сомнения по поводу достоверности семейной легенды о происхождении.

Многие мемуаристы-эмигранты называли генеалогические разделы в воспоминаниях просто «Семья», хотя излагали в них сведения и о более отдаленных предках, [23, 20] или обозначали их фамилиями семей. Например, в воспоминаниях В.П. Зилоти главы назывались «Третьяковы» и т.п. [10, 5]. Писатель Р. Гуль генеалогическому разделу своих воспоминаний дал беллетризованный, юмористический заголовок, восходящий к известной фразе из летописи – «Откуда есть пошли Гули» [9, 28], хотя описание генеалогических фактов в тексте было вполне серьезным и имело даже аналитический, исследовательский уклон.

Выделение самостоятельного раздела, в названии которого была отсылка к понятиям родства, не означало, что в остальном тексте генеалогические реалии игнорировались. Значительное количество подобной информации могло содержаться и в остальных главах. В воспоминаниях Л.М. Савелова,⁵ где материал распределялся по хронологии и отсутствовал раздел, касающийся рода и семьи, именно генеалогическая информация составляла одну из основных тем повествования.

Изучение генеалогического субстрата в эмигрантской мемуаристике невозможно без всестороннего анализа соответствующей терминологии. Лексический набор, частота употребления тех или иных терминов, точность передачи родственных отношений дают представление о семейной традиции мемуариста, о его интересе к проблемам родства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а. Л. 1, 15, 22.
2. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 318.
3. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 649.
4. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 97.
5. ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1) Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2005. Кн. 1 - 2.
- 2) Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, б.г.
- 3) Беляев Н.Т. Из семейной хроники // Михайловцы. Вып. 2. Белград, 1937.
- 4) Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991.
- 5) Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М., 1992.
- 6) Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.
- 7) Волконский С.М. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1992.
- 8) Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003.
- 9) Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1. М., 1993.
- 10) Зилоти В.П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954.
- 11) Колчак А.Р. Адмирал Колчак, его род и семья (Из семейной хроники) // Военно-исторический вестник. 1959. № 13, № 14, № 16.
- 12) Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992.
- 13) Маковский С.К. Портреты современников. М., 2000.
- 14) Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.
- 15) Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.Д. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 2000.
- 16) Наумов О.Н. Генеалогия. Ч. 1. М., 2007.
- 17) Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
- 18) Наумов М.П. Невозвратное // Новое русское слово. 1970. 20 марта. № 21829.
- 19) Одинцов Г.Н. Николай Александрович Одинцов, его предки и семья // Новик. 1947.
- 20) Олсуфьев Ю. В Никольском-Оболянове // Новый журнал. 1986. № 163.
- 21) Осоргин М.А. Сивцев Вражек. М., 1990.

-
-
- 22) Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых 1969.
  - 23) Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990.
  - 24) Савелова-Савелкова Н.А. Слобода Анастасиевка-Денисова и ее владельцы Денисовы и Егоровы // Новик. 1942. Вып. 1.
  - 25) Татищев Б.А. Семейная хроника // Новый журнал. 1986. № 163.
  - 26) Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.
  - 27) Толстая М.Н. Воспоминания // Русское возрождение. 1983. № 22.
  - 28) Трубецкой С.Е. Минувшее // Россия воспрянет. М., 1996.
  - 29) Челищев В.Н. Из воспоминаний В.Н. Челищева // Новый журнал. 1988. № 170.
  - 30) Шатилов П.Н. Семейная хроника // Военно-исторический вестник. 1955. № 25.
  - 31) ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а. Л. 1, 15, 22.
  - 32) ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 318.
  - 33) ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 649.
  - 34) ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 97.
  - 35) ГА РФ. Ф. 6091. Д. 1а.

D. Alekseev

GENEALOGIC TERMINOLOGY IN MEMOIRS OF EMIGRANTS
PRESENT CLAUSE OPENS FEATURES OF APPLICATION OF GENEALOGIC
TERMINOLOGY IN MEMOIRS OF RUSSIAN EMIGRANTS

Abstract: As materials for a writing of clause memoirs created by Russian emigrants abroad during first half XX century have served.

The main research conclusion of present clause consists that the order of application of genealogic terminology Russian emigrants - memoirists had especially individual character, and the volume (complexity of terminology) uses was defined basically by professional features of the author.

Key words: relationship, genealogy, memoirs, genealogic communication, related communication, genealogic terminology.